

Гайденко П. И.

**К вопросу об источниках содержания древнерусского монашества
кон. X — первой трети XIII вв.**

Вопрос об источниках содержания древнерусской церкви и её монашества не нов и имеет большую историю изучения¹. И всё же, не смотря на всю проделанную работу в области изучения древнейшего периода истории русского христианства, особенно истории епископата и древнерусского иночества², полной ясности в отношении источников средств существования монашества ещё нет. В значительной мере это извиняется скудостью письменных свидетельств. При том, что церковь и монашество, опиравшиеся на древнее каноническое право³, ранее всех иных институтов Древней Руси осознали важность письменного фиксирования правовых норм и дарений, первые описи (или иные акты, а также записи, принимаемые за таковые) монастырского имущества и документы, закреплявшие и регламентировавшие организацию хозяйства иноческих общин, относятся к значительно более позднему периоду, к XIV–XV вв. Но только в XVI–XVII вв. практика составления подобных документов стала обычной юридической и административно-хозяйственной нормой⁴. Что же касается sporadических упоминаний летописных и агиографических источников о материальных ресурсах монастырей и о совершавшихся в их пользу дарений, то эти известия всё же не позволяют создать полного и ясного представления об объёме находившегося в руках иноческих институтов материальных ресурсов, о формах и об эффективности их использования, а также об устойчивости имущественных прав монашествующих.

¹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от константинопольского патриарха (988–1240). М., 1995. С. 98–100, 403; Голубинский Е. Е. История Русской Церкви: Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 2. М., 1904. С. 710–723; Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. С. 142–149; Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 76–123, 131–148; Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 260–278 и др.

² Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв... С. 76–123; Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. 360 с.; Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М., 2014. 212 с.

³ Необходимо было составления монастырских и церковных описей имущества закреплялась 1-м правилом Константинопольского Двукратного поместного собора (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 286–289).

⁴ Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1996. 265 с.; Красиков А. Н. Описи монастырского имущества XVI–XVII вв. как источник по истории книжной культуры Русского Севера (опыт формулярного анализа) // Наукові записки / Ін-т укр. археології та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Київ, 2009. Т. 19. Кн. 1. С. 116–129.

Работа исследователей во многом затрудняется ещё, по меньшей мере, тремя обстоятельствами. Во-первых, необходимо принимать во внимание многообразие типов древнерусских монастырей, а также организационную сложностью хозяйства иноческой общины. Всё это должно было влиять и, как представляется, влияло на уровень материального достатка общин черноризцев. Во-вторых, крайне важно учесть ещё одно не менее значимое и весьма деликатное обстоятельство. Монашество не может быть сведено исключительно к общинным формам. Данная особенность иноческого сознания и иноческой самоорганизации почти не принимается во внимание большинством исследователей, обрацавших свой взор на XI–XIII столетия. Пожалуй, за весь продолжительный период изучения иноческих институтов единственной попыткой научного фиксирования и системного анализа странствующего и особо живущего монашества стали усилия Е. Е. Голубинского. Однако его выводы наблюдения, опиравшиеся на позитивистскую методологию, оказались краткими и в чем-то категоричными⁵. Что касается современной историографии, то она при оценке странствующего иночества или черноризцев, проживавших вне монастыря, предлагает чаще всего видеть в этом феномене своего рода духовную аномалию, нарушающую стройный ряд церковной жизни. Однако как бы ни оценивался обозначенный пласт иночества, но и он должен был как-то и за счёт чего-либо существовать. Наконец, в-третьих, следовало бы различать личные доходы иноков и доходы монастырей. Всё же нельзя исключать того, что источники формирования личного благосостояния монаха и его обители, с которой он был тесно связан и ресурсами которой пользовался, могли в большей или меньшей мере не совпадать.

Принимая во внимание то обстоятельство, что классификация монашества — дело интересное, но, как и любая иная систематизация, условное, а поэтому в некотором смысле «неблагодарное», предложенный очерк преследует в качестве своей цели выявление источников достатка иноков. Правда, при этом попутно рассматриваются и иные аспекты материальной жизни черноризцев.

В иноческой среде пристрастие того или иного брата к еде и вкушению вкусных блюд порой осуждалось. И всё же эти категоричность и принципиальность имели свои границы и свою меру. Действительно, отношение монашества к материальным благам никогда не обладало той бескомпромиссностью, какая присутствует в обете пострига. Постническое житие и отвержение благ мира не исключало того, что жизнь самого монаха или монашеской общины требовала и этих житейских благ, и необходимости в качественной, обильной и, что немало важно, вкусной пище. Даже хорошо известное сетование составителя жития преподобного Феодосия о выпадавших на долю иноков прославленного монастыря трудностей⁶ позволяет сделать весьма примечательный вывод. Создаётся впечатление, что в словах автора присутствовали нотки вполне трезвой оценки того, что ему и его собратьям пришлось испытать. Несомненно, Патерик восхвалял нестяжательность и воздержанность в пище (примером чего служили аскетичность Антония⁷, а также усилия Феодосия, следившего за строгим соблюдением студийских норм жизни среди насельников⁸), но скудость иноческого су-

⁵ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви... Т. 1. Ч. 2. С. 552–565.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 147–148.

⁷ «Антонии бо не име ни злат[а] ни сребра . и пощениемъ и слезами <...>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 148).

⁸ Киево-Печерский Патерик // БЛДР: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 2004. С. 322–323; Житие Феодосия

К вопросу об источниках содержания древнерусского монашества

щества, как это видится, не вызывала у авторов жития и патерикового сказания особого религиозного восторга, когда дело подвига касалась их лично. И в подобных случаях место восхвалений чужого терпения начинали занимать сетования о собственных злключениях. Так что порой в руках иноков оказывались существенные средства, позволявшие иноку не только вполне безбедно существовать в обители, имея хороший стол и приличную одежду⁹, но и приобретать выгодные монастырские должности¹⁰.

Но в данном случае **большой** интерес всё же представляет иное - источники этого достатка. Не ставя под сомнение возможность божественного попечения о «малых сих», внимание представленного очерка всё же в большей степени сосредоточено не на сверхъестественных источниках, оказывавшихся в руках монашества материальных благ, а на источниках вполне земных и ясно осознаваемых.

Чернецы, проживавшие вне стен монастырей. Оценить то, как поддерживалось существование странствующих иноков при всей своей кажущейся очевидности ответов не так просто и однозначно. Любые заявления о том в качестве основного источника следует рассматривать милостыню, сталкиваются, по меньшей мере, с двумя проблемами: во-первых, на основании каких свидетельств можно сделать подобные заключения, и, во-вторых, что, собственно, следует понимать под «милостыней»?

Действительно, как в древности, так и в наши дни можно встретить лиц, принимавших монашеские обеты, но в силу разнообразных причин либо покидавших монастыри, либо не живших со своими «собратьями». Необходимо понимать, что причины и мотивы, толкавшие этих людей покинуть обжитые места, пускаться в странствия или искать уединения, были различными. Но далеко не всегда жизнь таких иноков имела опору в пожертвованиях. Многие из подобных чернецов были вполне дееспособны и могли трудиться. Наконец, некоторые из них попадали под княжескую или купеческую опеку и дальнейшее их существование, скорее всего, обеспечивалось заботами их покровителей, особенно если дело касалось путешествия в пределы Византии¹¹. Такое положение дел было ха-

---

Печерского // ПЛДР: XI — начало XII века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М., 1978. С. 332–339, 358, 359.

⁹ В этом отношении примечательны патериковые упрёки в адрес богатых монахов и безымянного печерского игумена. Наиболее наглядно они представлены историях Арефы-Черноризца, Феодора и Василия, Пимена Многострадального (Киево-Печерский Патерик... С. 386–389, 442–457, 468–475; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки. М.; Л., 1966. С. 154–165).

¹⁰ Об этом совершенно откровенно говорит, приписываемый Антонию Римлянину запрет принимать в созданный им монастырь игуменов, поставленных на мзде. Столь же наглядны упрёки в адрес чернеца Арсения (1228), занимавшего новгородскую кафедру. Его обвиняли в том, что он достиг власти, дав взятку князю. Оба примера наглядно свидетельствуют в пользу того, что некоторые иноки могли иметь доступ к значительным материальным ресурсам (ПСРЛ. Т. 3. С. 272; Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 269).

¹¹ Так, сообщая о путешествии игумена Варлаама в Святую Землю и Константинополь, а так же об обстоятельствах его смерти, автор Жития Феодосия упоминает о неких «путниках», перенёсших тело почившего игумена в Печерскую обитель (Житие Феодосия Печерского... С. 340, 341). Очевидно, что сопровождавшие Варлаама лица были достаточно ста-

рактерно как для домонгольского, так и ордынского периода русской церковной истории¹². Если принять во внимание то, что «хождение» к святым местам воспринималось как совершенно естественный и одновременно возвышенный, богоугодный, элемент повседневности, особый ритуал¹³, с которым регулярно сталкивалась значительная часть средневекового общества, а паломники пользовались защитой государств, через которые они проходили¹⁴, отправлявшийся в странствие монах мог чувствовать себя в некоторой безопасности, что только ещё более поощряло подобные скитания¹⁵.

Наконец, игумены и игуменьи, и без того обладавшие наибольшими правами в распоряжении ресурсами монастырей, нередко происходили из среды знати. В результате, обладая высоким социальным статусом и денежными средствами, они могли себе позволить подобные странствия к святым местам и в столицу империи, Константинополь, который, по совершенно верному замечанию З. В. Удальцовой, «привлекал русских дипломатов, купцов, паломников, художников, книжных людей, монахов»¹⁶. Здесь, на берегах Босфора они получали помощь имперских властей и крестоносцев, о чём недвусмысленно сообщает ис-

---

тусными и состоятельными, чтобы обеспечить как безопасность купленных игуменом церковных товаров, так и перенос его останков из Святогорского пригородного монастыря Владимира в обитель преподобного Феодосия. Принимая во внимание, что русская торговая фактория в Константинополе располагалась в монастыре св. Мамонта (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 38), нельзя исключать того торговые караваны, путь которых в столицу Византии из Киева занимал 10 дней (*Новосельцев А. П., Пащито В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 81–108), становились самым удобным способом перемещения не только церковных товаров, но и самих церковных лиц. Едва ли путешествия монахов в Царьград или Святую Землю совершалось самостоятельно, без помощи купеческих экспедиций и княжеского покровительства, способных обеспечить для иноков личную защиту и сохранность перевозимых ими грузов (икон, реликвий, книг или иных текстов). Во всяком случае, завещание Варлаама, оставившего после себя купленные им в Константинополе иконы, позволяет заключить, что его путь на Русь должен был кем-то обеспечиваться. И наиболее удобным способом подобных перевозок могли быть хорошо охраняемые торговые экспедиции (*Житие Феодосия Печерского... С. 340, 341; М[е]с[я]ца мая въ 3 д[е]нь житие пр[е]л[о]добного о[т]ца нашего Феодосия игумена печерьскаго // Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 95; Новосельцев А. П., Пащито В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.)... С. 85; *Перхавко В. Т.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 278).

¹² *Маджеска Дж.* Русско-византийские отношения в 1240–1453 гг.: паломники, дипломаты, купцы // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. С. 358–373.

¹³ *Калужникова Е. А.* Паломничество как ритуал // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2006. Т. 47. № 12. С. 13–27; *Малетто Е. И.* Хожения русских путешественников XII–XV вв. М., 2000.

¹⁴ *Шупляк С. П.* Статус паломников в средневековом социуме Западной Европы // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2013. Вып. 8. С. 155–165.

¹⁵ Популярность паломничества не вызывает сомнения. Однако, имея поддержку со стороны мирян и монашества, оно крайне неоднозначно и даже отрицательно оценивалось епископатом и окружавшим его духовенством (Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 27 [Кирик. 12]).

¹⁶ *Удальцова З. В.* Киев и Константинополь — культурные связи до XIII века // ВИ. 1987. № 4. С. 56.

тория странствий игумена Даниила и княжны-инокини Евфросинии Полоцкой. Это уже были не знаки милостыни, а акты гостеприимства, не лишённого религиозного отблеска христианского милосердия.

Таким образом, пожертвование далеко не всегда могло составлять основу материального достатка странствующего или одиноко живущего инока. К тому же в понимании потенциальных жертвователей, далеких от церковной жизни горожан, монахи оценивались либо как праздные бездельники¹⁷, либо как люди, встреча с которыми не предвещала ничего доброго. Несомненно, это было суеверие, но для большинства: увидеть по дороге чернеца — к беде¹⁸. Так стоит ли нести таковым провозвестникам несчастья средства? В итоге положение странствующих монахов порой оказывалось уязвимым и неоднозначным. Особенно сложным оказывалось судьба иноков самовольно, без уважительных причин, покидавших обитель¹⁹.

Тем не менее, появление на страницах древнерусских сочинений путешествующих чернецов не обладало чертами исключительности, а их образы оценивались современниками и потомками (в книжной и отчасти городской христианской среде) самым возвышенным образом. Добрые христиане видели в таких калугерах провозвестников божественной воли, образцы для подражания и тех, у кого надлежит получать благословение²⁰. От странствующих монахов получили постриги Моисей Угрин (от некоего иерея со Святой Горы) и Варлаам Хутынский («**въне града въ посте месте от прозвутера мниха некоего**»)²¹. Причём преподобный Моисей сам был вынужден пережить скитание²². Провидение через «необычное странствие» привело в Новгород Антония Римлянина²³. Не раз

---

¹⁷ Пример подобного отношения к монашеству присутствовал как среди зависимого населения, так и со стороны вполне образованных княжеских слуг (Житие Феодосия... С. 344, 345; *Данилевский И. Н.* Холопское счастье Даниила Заточника // Казус. 2002. № 4. [Электронный ресурс] <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf>, свободный — Проверено 29.03.2017).

¹⁸ Летописец пишет об укоренённости столь глупых верований не без горечи: «аще бо кто оусрящеть чернорисца. то възращается». Особенно остро звучат его слова на фоне рассказа о неудовлетворительном состоянии христианской жизни в Киеве и о безразличном отношении горожан к богослужению и церковным установлениям (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 159–160).

¹⁹ Житие преподобного Феодосия приводит пример подобного поведения. Очевидно, что самовольный уход инока из обители мог навсегда закрыть тому дорогу назад (Житие Феодосия Печерского... С. 360, 361).

²⁰ Примечательно, что к Антонию Римлянину первыми стали приходиться горожане: «И начаша приходити к нему иже ту близ живушей людие и граждана, молитвы ради и благословения» (Сказание о житии преподобного Антония Римлянина... С. 255–256). Значительно ранее подобную ситуацию можно встретить в описании первых лет жизни Антония Печерского, поселившегося вблизи княжеского замка в Берестове: «Антоний же прославленъ бы[тъ] в Руской земли . Изяславъ же оуведавъ . житие его и приде с дружиною своею прося . оу него бл[а]г[о]с[ло]в[е]н[и]я и м[о]л[и]тв[ы] и оуведанъ быс[тъ] всеми великий Антоний и чтимъ <...>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 145).

²¹ Киево-Печерский Патерик... С. 422, 423; Житие Варлаама Хутынского // *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 320.

²² Киево-Печерский Патерик... С. 426, 427.

²³ Сказание о житии преподобного Антония Римлянина... С. 249–253.

покидали места своего монашеского подвига Антоний Печерский²⁴, а также Великий Никон, объединявшийся с несколькими союзными ему собратьями²⁵. По благословию Феодосия в его обитель принимались приходившие к преподобному игумену постриженники иных монастырей²⁶. Не менее интересно путешествие в Константинополь преподобного Ефрема²⁷, будущего Переяславского митрополита. Среди паломников отмечены преподобная Евфросиния Полоцкая²⁸ а также игумены Варлаам²⁹ и Даниил³⁰. Менял место своей жизни и своего служения преподобный Авраамий Смоленский³¹. О монахах, живущих вне стен обителей, говорит одна из рекомендаций митрополита Иоанна, судя по всему, озабоченного распространённостью этого явления и одновременно не способного прямо повлиять на таковых³². Митрополит Георгий запрещал петь (на богослужениях) монахам вне монастырей³³. А житие Феодосия оставило примечательную историю об иноке, который постоянно покидал свою обитель³⁴. Таким образом, странствующие чернецы и иноки, отлучающиеся из обители, были обычным и даже привычным явлением церковной жизни домонгольской Руси.

Помимо названной группы черноризцев обнаруживаются признаки ещё одного не менее интересного пласта иночества: *монахи, подвизающиеся при кафедрах или связанные с епископским управлением*. Подобных примеров не много, но они показательны. При Софийском кафедральном соборе в Полоцке жила Евфросиния³⁵. Скорее всего, к таковым относился преподобный Кирик Новгородец, domestик Антониева монастыря. Во всяком случае, он неоднократно сопровождал архиерея в его путешествиях, находился в кругу лиц, приближенных к святителю, а отсутствие в текстах Кирика какого-либо интереса к жизни соб-

²⁴ Киево-Печерский Патерик... С. 316–319.

²⁵ Житие Феодосия Печерского... С. 328, 329, 342, 343.

²⁶ Киево-Печерский Патерик... С. 322, 323.

²⁷ Житие Феодосия Печерского... С. 328, 329, 334, 335.

²⁸ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. В 3 т.: Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I-X / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2007. С. 444–447.

²⁹ Житие Феодосия Печерского... С. 340, 341.

³⁰ Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Изд. подг. О. А. Белоброва, М. Гардзанити, Г. М. Прохоров, И. В. Федорова; отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2007. С. 14–159; Паломник Даниила монаха: Сказание о пути, что ведет к Иерусалиму, и о городах, и о самом городе Иерусалиме, и о чтимых местах, что около города, и о святых церквях // Там же. С. 160–269.

³¹ Житие Авраамия Смоленского // БЛДР: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2005. С. 36–39.

³² «Мнихы, иже кроме монастыря пребывают, иже в Халкидоне совокупися святых отець сбор 4 и възбранение вводить всякое, въ епитемью вкладаеть не причащатися» (Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6. Стб. 14 [Ин. 25]).

³³ «Калугеру пети въ зборе . но токмо в монастыри» (Неведомы(х) словесь . изложено Георгием . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игумену въпрашающу . оному поведаящу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 254 [Георг. 107]).

³⁴ Житие Феодосия Печерского... С. 358, 361.

³⁵ «И пребывши в монастыри неколико время, и потом испроси у епископа ту сущаго, нарицаемаго Ильи, правящаго престоль святя София каменья в голубци. И повеле еи, да пребываеть» (Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам... Т. 1. С. 436).

ственной обители и погружённость в заботы кафедры, позволяют говорить о сопричастности жизни этого иеромонаха с бытом и правлением Нифонта³⁶. Вероятно, что с митрополичьей кафедрой были связаны иноки, о которых упоминал мних Иаков, когда описывал пиры князя Владимира³⁷. Разумно предположить, что в рассматриваемой ситуации основу существования монахов составляло своего рода «кормление», получаемое от епископа или князя. Во всяком случае, судя по восторженному и эмоциональному описанию щедрости князя Владимира, накрывавшего для митрополита и черноризцев «первый стол», подобные угощения воспринимались в качестве важного ресурса для содержания пришлого духовенства, в том числе монашества³⁸. Упоминание о подобных обильных пирах присутствует в житии Авраамия Смоленского, в рассказе об отказе преподобного посещать такие увеселительные обеды³⁹. Впрочем, крайне сложно установить, меру участия епископий в содержании духовенства, в том числе монашества. Если принять во внимание то безразличие, какое проявляли агиография и особенно летописание (создание которого во многом являлось заслугой иночества) к жизни архиереев (если не считать помещённый в Киево-Печерский патерик перечень святителей) и то обилие негативных святительских образов, какое сохранилось в древнерусских источниках, можно сделать вывод, что материальная забота епископов о своём духовенстве была «минимальной», если вообще присутствовала.

Вполне ожидаемо, что основные источники существования всех перечисленных групп: одиночек-анахоретов, странствующих монахов, иноков при святительских кафедрах и в монастырях, — должны были различаться. И в целом данное обстоятельство хорошо прослеживается.

Так, например, Печерский патерик и летописание обратило внимание на то, что после переселения под стены Берестовского замка преподобный Антоний получал содержание от приходивших к нему «добрых людей»⁴⁰. Представляется, что и выбранное подвижником место, пещера, находившаяся в пределах княжеских владений, не было случайным. Близость с загородным дворцом в известной мере могла обеспечить инока всем необходимым. Вполне очевидно, что в дальнейшем такое соседство сыграло для созданного на месте молитвенного подвига Антония монастыря едва ли не решающую роль.

Нечто подобное описывает житие Антония Римлянина. Правда, о приходе чернеца проявил немалую заботу сам новгородский епископ Никита. С самого начала отшельничество Антония, ещё не переросшее в монашескую общину, после визита местного архиерея получило поддержку со стороны новгородского «магистрата», действовавшего на основе выводов и просьб новгородского

---

³⁶ Гайдено П. И., Фомина Т. Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. № 16 (270). С. 83–92; Симонов Р. А. Кирик Новгородец (1110 — после 1156/1158) как хартофилакс // Вестник МГУП имени Ивана Фёдорова. 2015. № 4. С. 102–107.

³⁷ Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / Сост. автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 285.

³⁸ Гайдено П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 68–79.

³⁹ Житие Авраамия Смоленского... С. 40, 41.

⁴⁰ «И приходяху к нему . приносяще ему на потребу» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 145).

святителя. Весьма примечательно, что дальнейшие отношения Никиты с ирландским переселенцем рисуются в житии Антония едва ли не идиллически. Впрочем, последующая история осевшего на Волхове монаха упоминает ещё об одном немаловажном источнике дохода — личных сбережениях, якобы чудесным образом обнаруженных в реке по прошествии года⁴¹. Именно эти средства и позволили Антонию выкупить землю, провести большие строительные работы и собрать братию⁴².

Столь же интересной видится судьба инока Варлаама, которому был подарен князем обширный земельный участок. По сути, это владение и обеспечивало монаха всем необходимым для его жизни и жизни собранного им монастыря⁴³.

Нельзя исключать, что на средства Печерской обители и её благотворителей проживал в Константинополе преподобный Ефрем. Во всяком случае, как уже отмечалось выше, осуществить подобное длительное путешествие, как это представляется, было возможно лишь при условии наличия внешней помощи и при поддержке материально состоятельных лиц.

Наконец, осуществлённые преподобной Евфросинией Полоцкой и игуменами Варлаамом и Даниилом путешествия в Константинополь и в Святую Землю также, судя по всему, во многом опирались на их личные средства⁴⁴ и ресурсы, находившиеся в распоряжении окормляемых ими монастырей. Впрочем, обстоятельства странствий Евфросинии и Даниила упоминают или, по крайней мере, дают основание говорить, что во время своих «хожений» находившиеся на чужбине знатные паломники пользовались поддержкой своих властных покровителей (опеллируя к авторитету княжеских имён и живя на полученные от своих семей и благотворителей средства). Кроме этого и Евфросиния, и Даниил пользовались разнообразным содействием со стороны властей и религиозных общин тех территорий, через которые они проходили⁴⁵.

Таким образом, уже первое знакомство с источниками дохода странствующих и особо живущих монахов обнаруживает, может быть, и не столь разнообразные, но всё же различные формы содержания черноризцев. При всей своей ограниченности попадавшие в руки иночествующих паломников средства позволяли таковым странникам сравнительно легко преодолевать значительные расстояния, обеспечивать скитальцам высокую степень социальной и канонической мобильности и свободы и, в конце концов, оседать на новых местах.

⁴¹ Сказание о житии преподобного Антония Римлянина... С. 255–264.

⁴² Данная Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у реки Волхова, купленную им у Смехна и Прохна Ивановых детей // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. к печати В. Г. Гейман, Н.А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валк. М.; Л., 1949. С. 159; Духовная Антония Римлянина // Там же. С. 159–161.

⁴³ Данная Варлаама Спасо-Хутынского монастырю на землю с угодьями, челядью и скотом // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 161–162; Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях XII–XVI вв. СПб., 2010. С. 22–24.

⁴⁴ На это указывает то обстоятельство, что иконы из обоза игумена Варлаама были переданы Печерскому монастырю в качестве личного дарения. Это могло произойти при одном условии: иконы были личной собственностью почившего.

⁴⁵ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам... Т. 1. С. 444–445; Паломник Даниила монаха: Сказание о пути, что ведет к Иерусалиму, и о городах, и о самом городе Иерусалиме, и о чтимых местах, что около города, и о святых церквях... С. 162–163, 256–269.

К вопросу об источниках содержания древнерусского монашества

Монастыри. Проблема обеспечения монастырей не может быть разрешена без учета организационных особенностей той или иной обители, а также без установления различий между доходами монастыря и личного дохода насельника. При всей обусловленности жизни насельников обители и существующей в рамках монастыря общиной некоторое разделение (различение) источников обеспечения видится делом целесообразным и даже оправданным. При том, что источники содержания монастырей в целом хорошо выявлены, однако их систематизация и уточнение не видятся излишними.

Как установлено, содержание монастырей во многом зависело от того считался ли это монастырь ктиторским (княжеским, боярским или же епископским), находился под контролем местной кафедры или же считался «самостоятельным»⁴⁶. Впрочем, в последнем случае «самостоятельность» порой носила по сути декларативный характер, как это было в случае с Печерской обителью, на различных этапах испытавшей самые различные формы ктиторского содействия и влияния⁴⁷. Именно «светские» ктиитор или ктииторы (донаторы) несли основную тяжесть содержания обители, даруя ей реальную свободу от всевластия епископата.

Впрочем, епископы, будучи ктиторами создававшихся ими обителей также беспокоились о благе собиравшихся в их стенах общин и формировавшего монастырского хозяйства. Такое попечение выражалось не только в строительстве и административно-каноническом управлении, но и в наделении монастырей существенными материальными ресурсами, как, например, это сделал ростовский епископ Кирилл, передавший Дмитровскому монастырю Суздаля значительную часть богатств, которые прежде находились в ведении кафедры⁴⁸.

Впрочем, иногда действия светских и духовных донаторов, в том числе архиереев, были совершенно иными. Не имея возможности облагодетельствовать свои обители новыми дарами, они беспокоились о недопущении материальных утрат уже имевшихся в распоряжении обителей ресурсов. Примерами подобных шагов могут служить отказы вводить ктиторские обители под полный контроль святительской власти⁴⁹. Очевидно, что с точки зрения монашествующих, худшей из всех форм зависимости была подчинённость и подконтроль-

---

⁴⁶ Наиболее основательно данный вопрос был рассмотрен Я. Н. Шаповым, а в наши дни Т. Ю. Фоминой (*Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв.* М., 1989. С. 131–163; *Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие...* С. 161–176).

⁴⁷ О переменах во влияниях на жизнь Печерской обители см. работу М. Д. Присёлкова (*Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.* СПб., 2003).

⁴⁸ Об обстоятельствах и последствиях этой передачи см. подробнее: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452; *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В. Русское православие: от крещения до патриаршества.* СПб., 2012. С. 109; *Гайденок П. И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности...* С. 20–22.

⁴⁹ Указания на присутствие особых притязаний епископата на право решать внутри-монастырские проблемы хорошо обнаруживаются в одной из поздних приписок в Уставе Ярослава: «А что ся деет в монастырских делех, в ц(е)рк(о)вных, в самх монастырех, да не вступается кн(язь), ни волостел(ь), безатщина придет к волостелю митрополичю» (Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / сост. Я. Н. Шапов, отв ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 90).

ность епископату, суд которого воспринимался как наиболее тенденциозный и неправый⁵⁰. Вероятно, данное обстоятельство осознавалось и некоторыми епископами. Поэтому, скорее всего, сохранил внутреннюю автономию созданного им Успенского монастыря (1153)⁵¹ новгородский епископ Аркадий. Во всяком случае, отмеченное под 1188 г. строительство в Аркадьевом монастыре (каменного Успенского собора) указывает, скорее всего, на смену донатора обители (вероятно, таким был признан Семион Дыбачевич)⁵². А это означает одно – обитель и после смерти Аркадия продолжала сохранять свою внутреннюю хозяйственную и каноническую автономию, позволявшую самостоятельно, без оглядки на кафедру, искать средства для поддержания жизни местной монашеской общины.

Следы подобной самоуправляемости и независимости от епископата обнаруживаются в текстах ктиторовских уставов Антония Римлянина и Варлаама Хутынского, существенно урезавших права епископата. Названная тенденция присутствует и в иных актах. Так, подобная практика прослеживается в ограничениях, какие накладывались князем на выплаты епископам при их посещении купеческой церкви Ивана на Опоках⁵³. При том, что упомянутый храм был «мирским» и не имел отношения к монастырям, вводившаяся князем норма весьма показательна. Ещё одним прямым свидетельством недопущения епископского контроля над материальными дарениями и косвенным указанием на недопущение какого-либо пересмотра пожалований, совершавшихся в пользу монастырей, служат установления, ограничения и заклятия в текстах уставов и грамот о дарениях в пользу Пантелееминова⁵⁴ и Юрьева⁵⁵ монастырей Новгорода, а также в уставе Хутынской обители⁵⁶. По сути, донаторы запрещали и городским, и церковным властям вмешиваться в жизнь монашеских общин и изменять положения, пропи-

⁵⁰ Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Церковные суды в Древней Руси (XI — середина XIII века): Несколько наблюдений // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 45. 2011. № 12 (227). С. 106–111.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 215.

⁵² ПСРЛ. Т. 3. С. 229.

⁵³ Устав определяет: «дати владыце гривна серебра да сукно Иньское». «А городу, ни владыце, ни боярам весу не отымати у святого великого Ивана, ни продавати моего данья великого князя Всеволода; а кто почнет вес отымати, или продавати, или дом обидити святого великого Ивана и святого Захарьи, на того Спас и пречистая и святыи великыи Иван будет им тма, и сблазнь, и казнь божия» (Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 162, 163, 165).

⁵⁴ «А хто почнет вступати в тое землю, и в воду, и в пожни, или князь, или епископ, или кто имеет силу деляти, и он во второе пришествие станет тяжатися со святым Пантелемоном» (Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю [Электронный ресурс] // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XII/1140-1160/Izjyslav_Mstislavic/gramota_pant_monast_nis.htm, свободный — Проверено 30.03.2017).

⁵⁵ «А хто поступитъ, судитъся со мною перед Георгиемъ в сии век и в будущий» (Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи [Электронный ресурс] // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XII/1120-1140/Vsevolod_Mstislavic/gramota_pogost_ljahovici.htm, свободный — Проверено 30.03.2017).

⁵⁶ [Устав] Преподобного Варлаама Хутынского, Новгородского Чудотворца // Амвросий (Орнатский), еп. Древнерусские иноческие уставы: Уставы российских монастыречальников. М., 2001. С. 32–34.

санные в актах⁵⁷. Такие действия ктиторов-основателей не только ограничивали канонические права кафедр в отношении иноческих общин, но и сохраняли ресурсы обителей от излишних выплат в пользу епархиальных архиереев.

Как уже отмечалось, в качестве ктиторов могли выступать организаторы монастыря в лице монашествующих (в том числе лица в последующем принимавшие иноческие обеты), как это было в случае Антония Печерского, Антония Римлянина, Аркадия (в последующем новгородского епископа), Варлаама Хутынского и иных. Судя по всему, находившиеся в распоряжении отцов-основателей материальные ресурсы служили основой экономической деятельности и благосостояния собиравшейся вокруг настоятелей общины, поддерживая жизнь обители: её сооружений и насельников. Правда, крайне сложно установить, насколько устойчивыми были подобные смены юридического статуса недвижимости. В целом, нельзя не заметить, что, не смотря на все усилия церкви каким-либо образом закрепить свои юридические права на совершавшиеся в пользу церкви дарения (суды, сборы, недвижимость, дворы, сёла, реликвии, деньги, животные, борти, ловы, солеварни или привилегию безусловного контроля определённых групп населения в лице церковных людей и смердов, передававшихся кафедрам и обителям сёл)⁵⁸, имущественные, как и какие-либо иные права монастырей и кафедр на протяжении всего домонгольского периода оставалась не урегулированными и не обладающие полной легитимностью⁵⁹. Вероятно, данное обстоятельство могло объясняться тем, что делавшиеся в монастыри вклады рассматривались донаторами как родовая собственность, которую можно было при необходимости вернуть. В таких условиях иноческая община рассматривалась в качестве временного распорядителя и пользователя передававшихся ей богатств⁶⁰.

Впрочем, при том, что монастыри были активными покупателями некоторых товаров, например, таких как вино и «древляное» (оливковое) масло, нет достаточных данных позволяющих говорить о том, что в XI–XIII вв. иночество

---

⁵⁷ Присутствие в грамотах XI–XIII вв. заклятий привлекло внимание акад. М. Н. Тихомирова, заметившего, что данный феномен малоизучен и не проанализирован. Между тем, по мнению учёного, в XV в. в частных актах тексты заклятий исчезают, что нуждается в осмыслении.

Замечание выдающегося советского исследователя, действительно, очень интересно. Скорее всего, присутствие заклятий в текстах ранних частных актов объяснялось не только нормами правовой культуры эпохи, но и неразвитостью представлений о неотчуждаемости собственности, а также низким авторитетом письменных документов даже в тех случаях, когда это касалось церковной жизни (*Тихомиров М. Н. О частных актах в Древней Руси // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 245; Гайденко П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы... С. 104–110*).

⁵⁸ См. подробнее грамоты Юрьеву, Пентелеймонову, Муромскому монастырям (Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю; Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи; Вкладная посадника Славенского конца Ивана Фомина Муромскому монастырю на острове Муром (Муч) на Онежском озере и озеро Муромское // *Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 284*).

⁵⁹ *Петр (Гайденко), иером. Были ли епископат и духовенство Киевской Русь феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всерос. науч.–практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург, 2010. С. 85–89.*

⁶⁰ См. об особенностях вклада полоцких князей в монастырь преп. Евфросинии Полоцкой: *Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М., 2009. С. 260–365.*

само занималось торговлей⁶¹. Столь же отрицательно решается и вопрос о возможном участии монашества в ростовщических операциях. Передача денег в ссуду отмечена в практике мирского духовенства, что, вероятно, отражало социальные реалии новгородской церковной и купеческой среды⁶².

Не менее интересен случай передачи Печерскому монастырю дочерью Ярополка Изяславича, Анастасией, родовой Дмитровской обители (1128)⁶³. Очевидно, что с точки зрения монаха-летописца, произошедшее оценивалось как захват чужой обители. Скорее всего, случившееся не соответствовало интересам насельников. Такие действия вступали и в противоречие с нормами Византийского права, ограничивавших права ктиторов в пользу иноков. Однако сам факт осуществления подобного дарения — примечателен, поскольку это приводило к укрупнению Печерского монастыря.

Наконец, важной ещё одной формой поддержки монашествующих, о чём уже говорилось выше, применительно к иным случаям, выступали пиры и обеды. В рассматриваемом контексте вполне очевидно и то, что кормление духовенства и монашества на различных пирах и обедах отражало архаические формы дарения, гостеприимства и обнаруживало расширение представлений о христианском милосердии (хотя, и в специфической форме)⁶⁴. Несомненно, самые яркие из них — уже упоминавшиеся пиры князя Владимира⁶⁵, или обед, устроенный князем Олегом Святославичем в 1115 г., по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба⁶⁶. В данном отношении показательна легенда о Ростиславе Мстиславиче, который в каждую субботу Великого поста и в воскресенье сажал за обедом у себя 12 чернецов и одного, тринадцатого, игумена. По сути, это прямая отсылка к евангельским добродетелям. Угощая этих иноков, Ростислав приветствовал и питал самого Христа и его учеников⁶⁷.

Однако пиры могли устраивать не только донаторы. Подобная форма благотворительности, не лишённая некоторой свободы поведения, расточитель-

⁶¹ Об участии древнерусского духовенства и монашества в торговых операциях Древней Руси см.: *Перхавко В. Б.* Средневековое русское купечество. М., 2012. С. 309–353.

⁶² Об этом говорит 4 ответ Нифонта в «Вопрошании» Кирика: «О лихве так нам велел поучать. Если этим занимается поп, то скажи ему, что недостойно ему служить, если не перестанет. Если простой человек, то скажи ему, что это недостойно и мне будет грех, если промолчу об этом. Если не могут уклониться от лихвы — то скажи им: «Будьте милосердны, возьмите помалу, если дал пять кун — то возьми три»» (Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // РИБ. Т. 6. Стб. 24–25 [Кирик 4]; *Гайденко П. И.* Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности... С. 149–150; *Галимов Т. Р.* Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237–1281 гг.: Дисс. к.и.н. Казань, 2017. С. 140–143).

⁶³ «В се лет(о) прैया ц(е)рк(о)вь Дмитрия Печеряне и нарекоша ю Петра . съ грехом великим и неправо» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 299; *Каргер М. К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. В 2 т.: Т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв. / ИА АН СССР; отв. ред. Н. Н. Воронин. М.; Л., 1961. С. 263–264).

⁶⁴ *Гайденко П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы... С. 68–79.

⁶⁵ Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу... С. 285.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 280.

⁶⁷ «Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (Мф. 10, 40).

ности и сопутствующих излишеств, могла оказываться и соседними монастырями друг другу. О существовании такой практики упоминает один из канонических ответов митрополита Иоанна⁶⁸. При том, что имевшая место практика выглядит с современной канонической точки зрения сомнительно, а сам факт организации монашеских пиров позволяет говорить о специфичности религиозного сознания в иноческой среде, внутримонашеская благотворительность в отношении женских монастырей ничего противозаконного не имеет. Ижевский историк, священник Георгий Харин, вполне резонно заметил, что правила Пахомия Великого Василия Великого не только не препятствовали, но и поощряли подобную заботу мужских иноческих общин в отношении женских монастырей и инокинь вообще⁶⁹. Правда, описанную в каноническом ответе митрополита Иоанна ситуацию о. Георгий оценил как недопустимую⁷⁰.

Помимо продуктовых пожертвований не столь крупным, но всё же ценным источником продуктовых запасов монастырей были собственные огороды и сады иноков, о которых упоминает Печерский патерик. Их доля в обеспечении благосостояния монастыря не известна, но, кажется, она была не велика.

Наряду с крупными дарениями со стороны донаторов – одним из важнейших источников дохода оставались сборы за вступление в монастырь и за постриг. О том, что такие платы присутствовали повествует не только история пострига Феодосия Печерского, не сумевшего в остановиться ни в одном монастыре Киева по причине бедности своих одежд, но и печерские сказания, описывающие послефеодосиевский период истории обители. Судя по всему, даже преподобному Феодосию не удалось пресечь практику взимания платы за совершаемый постриг. Правда, не совсем понятно, получал ли монастырь права на собственность поступавших к нему иноков. Кажется, в условиях Древней Руси эта византийская практика не нашла поддержку со стороны княжеской власти и общества. Скорее всего, переход имущества инока в пользу монастыря осуществлялся только по желанию самого черноризца, как это было в случаях Еразма Черноризца, потратившегося на украшение монастырского собора⁷¹, и митрополита Ефрема, подарившего Печерскому монастырю свой двор и сёла в Суздале⁷².

Вероятно, ещё одним специфическим способом поддержания материального достатка обители становились «церковные дома». Нельзя исключить того, что при размещении в обители провинившихся лиц, попадавших под церковный суд, часть виры, полагавшейся митрополиту⁷³, шла на содержание удерживавшегося в монастыре лица. Однако об уверенном отождествлении упоминавшегося в церковном уставе Ярослава «церковного дома» с монастырскими пенитенциарными помещениями говорить трудно.

Представляется, что притоку средств в монастырь способствовали, в том числе и организовывавшиеся при некоторых обителях «больницы» или проводившиеся при храмах «лечебные практики». С большей или меньшей уверенно-

⁶⁸ Канонические ответы митрополита Иоанна II... Стб. 16–17 [29].

⁶⁹ Харин Е. С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв. Ижевск, 2015. С. 201–202.

⁷⁰ Там же... С. 138.

⁷¹ Киево-Печерский Патерик... С. 384, 385.

⁷² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 228.

⁷³ Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод]... С. 87–89 [5, 9, 10, 17, 19, 27, 43,].

стью о присутствии таковых можно говорить только в отношении Печерского монастыря в Киеве и Антониевой обители в Новгороде. Однако было бы большим преувеличением видеть в этих лечебницах социальную благотворительность, или место оказания «полноценной» (насколько это применимо в отношении средневековья) медицинской помощи⁷⁴. История печерского инок Пимена рассказывает о крайне пренебрежительном отношении монахов к больным⁷⁵. В отечественной историографии, к сожалению, отсутствует понимание того, что в условиях средневекового общества больница была уделом бедных и отвергаемых, но ни как не местом «квалифицированной» помощи. Таковую получали исключительно на дому⁷⁶. Однако именно наличие этих больничных учреждений в немалой степени привлекало в обители паломников и нуждающихся в церковной молитвенной помощи.

Личные источники существования иноков в монастырях. Как уже было отмечено, при оценке источников материального достатка монастырей было бы хорошо провести некоторое разграничение между доходами монастыря и доходами населявших его иноков. Несомненно, что в общежительном монастыре или в обители, в которой присутствовали какие-то признаки общежития, основным источником существования насельника должны были служить ресурсы обители, доступ к которым достигался через трапезу, общемонастырскую кладовую или милость настоятеля. Такое представление вполне соответствует логике монашеских обетов. Однако жизнь всегда оказывается интересней и сложнее. Даже в Византии правовое и каноническое положение материальных благ, какими обладал проживавший в монастыре инок, было не простым. Ни Новеллы Юстиниана (5, 76 и 123) и Льва VI (5), ни более ранние законоположения не дают абсолютно однозначного разрешения вопроса об имущественных правах монаха после его пострига⁷⁷. Присутствуют и иные затруднения.

Очевидно, что принятие в монастырь совершенно не гарантировало того, что насельник мог принять постриг. Уже XI–XII в. за возможность присоединиться к небесному воинству на земле, необходимо было заплатить. И, кажется, далеко не всякий был готов и способен к подобным тратам. Естественно, что для достижения вождельного ангельского образа были необходимы не только сердечное рвение, но и материальный достаток.

В итоге, быт и нравы черноризцев различались, в том числе и на основе того, какими земными благами те обладали или же которых были лишены. Очевидно, что состоятельные иноки, как это показывает история Николая Святоши и Пимена Многогерпеливого, поддерживались их прежним состоянием и помощью близких. В результате, они могли обладать библиотекой, несли послушания

⁷⁴ Мильков В.В. Древнерусское монашество и его отношение к недугам // Вестник славянских культур. 2015. Т. 36. № 2. С. 13–28.

⁷⁵ Киево-Печерский Патерик... С. 470–473.

⁷⁶ Дюби Ж. Власть частная, власть публичная // История частной жизни / под ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 2: Европа от феодализма до Ренессанса / под ред. Ж. Дюби и др.: пер. с франц. Е. Решетниковой и П. Кашганова. М., 2017. С. 330–333.

⁷⁷ Giorda M. Proprietà monastiche in Egitto nella Tarda Antichità // Annali di Studi Religiosi. 2009. № 10. pp. 155–174; Ванькова А. Б. «Мертвый живому не наследует»: монахи, правовая реальность и действительность в Византии [Электронный ресурс] // <http://www.n-jerusalem.ru/doklady/text/355009.html>, свободный – Проверено 29.03. 2017.

К вопросу об источниках содержания древнерусского монашества

по личному выбору, имели право использовать слуг, принимать гостей⁷⁸. Но горе было тому иноку, чьи средства оказывались истощёнными. Их положение становилось незавидным не только при жизни, но и по смерти. История Афанасия Затворника позволяет судить не только о крайне тяжелой участи обедневших черноризцев, но и о том, откуда иноки могли получать дополнительные средства для своего существования. Очевидно, что одним из способов улучшения достатка становилось прислуживание богатым собратьям⁷⁹.

Помимо помощи со стороны своих прежних друзей и оказания услуг богатым чернецам иноки могли пользоваться собственными огородами, которые, как видится, служили и частным, и общим (братским) интересам⁸⁰. Помимо сказанного, пропитание черноризцев поддерживалось донаторами монастыря и местной кухней, хотя, кажется, некоторые из знатных и богатых чернецов могли себе позволить и отдельный стол (*cousine*).

Несомненно, довольно выгодным было положение духовников. Вопросание Кирика Новгородца совершенно открыто говорит о подарках в пользу этой группы лиц. Определить размер этих подношений едва ли возможно. Но, учитывая обстоятельства, данной в «Вопрошании» рекомендации, рассчитанной в свою очередь на определённую и ожидаемую реакцию получателя подарка, можно заключить, что подобные приношения в пользу духовников были своего рода нормой⁸¹.

Не менее интересным и важным источником достатка игуменов и монахов-священников становились подарки за участие в торжественных богослужениях. Об этой практике и о выплачивавшихся суммах сообщает устав Ивана Опоках⁸².

Таким образом, источники материального достатка древнерусского монашества были разнообразными, хотя и обладали своей специфичностью. Но вполне очевидно, что древнерусское монашество представляло разрастающийся институт, нуждающийся в постоянном пополнении своих ресурсов. Это касалось как странствующих монахов, авторитет которых, в домонгольскую эпоху был крайне высок, доставляя хлопоты епископату, так и монастырей и их насельников. При этом хорошо прослеживается то обстоятельство, что экономическое положение обычного инока в монастыре было не простым. Наиболее комфортной оказывался быт тех из монахов, кто получал поддержку со стороны своих друзей, родственников, сохранял за собой определённое имущество и зем-

---

⁷⁸ Киево-Печерский Патерик... С. 376–383, 468–471.

⁷⁹ Киево-Печерский Патерик... С. 372, 373.

⁸⁰ Такими садами владели Николай Святоша и преп. Григорий Печерский (Киево-Печерский Патерик... С. 376, 377, 406, 407).

⁸¹ «А если человек захочет пойти от одного отца к другому, скажи ему: отпросись у прежнего. Если не захочет прогнать того отца тайным уходом, то скажи ему: возьми у него молитву, и дай ему подарок и перейди, а со мной совет держи, слушай меня. Если ты будешь таким же у того, как и у этого – то нет пользы» (Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц... Стб. 61 [Илья 20]).

⁸² «А пети в праздник владыце, а старостам купецким и купцам дати владыце гривна серебра на сукно ипское; а назавтрее лети анхимандриту святого Егория, а взять ему поль гривне серебра; а на третей день лети игумену святей Богородици из Онътонова монастыря, взять ему поль гривне серебра» (Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках... С. 162, 165 [15]).

ли, способные приносить доход. Не менее привлекательной считалась жизнь монахов, занимавших более высокое место во внутримонастырской иерархии. Но так или иначе иноческая община ещё не была в полной мере приспособлена к автономному экономическому существованию, как это показала история Дмитровского монастыря Киева и ещё целого ряда обителей, прекративших своё существование после монгольского нашествия. Представляется, что устоявшееся в историографии мнение о том, что причиной исчезновения большинства обителей Южной Руси и Киева после монгольского нашествия объяснялось разрушениями, последовавшими после нашествия монголов – с источниковедческой точки зрения не имеет достаточного обоснования и в значительной мере опирается на умозрительные выводы. Достаточно заметить, что половецкие набеги и разграбления XII – начала XIII вв. не приводили к уничтожению монастырей, не смотря на все приносившиеся степными народами разорения и бедствия. А, следовательно, причины исчезновения значительного числа древнейших монастырей необходимо искать не только в последствиях русско-монгольской войны, но и в разорении и гибели донаторов этих монастырей и храмов. Последнее неминуемо приводило к обеднению иноческих общин, утрате ими своей канонической автономии и, в результате, к исходу их обитателей на более выгодные места⁸³. Впрочем, данный аспект нуждается в более детальной проработке и внимательном глубоком осмыслении. Во всяком случае, проводящиеся в этом направлении исследования⁸⁴ со временем будут способны внести определённую ясность в понимании экономических сторон жизни древнерусского монастыря. Что же касается представленной статьи, то её выводы имеют лишь предварительный характер и должны рассматриваться как первое впечатление от «увиденного».

Источники и литература

1. *Ванькова А. Б.* «Мертвый живому не наследует»: монахи, правовая реальность и действительность в Византии [Электронный ресурс] // <http://www.p-jerusalem.ru/doklady/text/355009.html>, свободный — Проверено 29.03. 2017.
2. Вкладная посадника Славенского конца Ивана Фомина Муромского монастыря на острове Муром (Муч) на онежском озере и озеро Муромское // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валк. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 284.
3. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 21–62.
4. *Гайденко П. И.* Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014. 212 с.
5. *Гайденко П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: Университетская книга, 2013. 150 с.
6. *Гайденко П. И., Фомина Т. Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2012. № 16 (270). С. 83–92.

⁸³ *Галимов Т. Р.* Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237–1281 гг.... С. 168.

⁸⁴ Примером этого могут служить некоторые работы Д. Ю. Кривцова (*Кривцов Д. Ю.* Маршруты поездок русских митрополитов в Золотую Орду в XIII–XIV вв. // Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. 1. М., 2007. С. 53–75 и др.).

К вопросу об источниках содержания древнерусского монашества

7. *Галимов Т. Р.* Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237–1281 гг.: Дисс. к.и.н. Казань, 2017. 230 с.
8. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви: Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский: Ч. 2. М., 1904. 926, XVII с.
9. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи [Электронный ресурс] // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XII/1120-1140/Vsevolod_Mstislavic/gramota_pogost_ljahovici.htm, свободный — Проверено 30.03.2017.
10. *Данилевский И. Н.* Холопское счастье Даниила Заточника // Казус. 2002. № 4. [Электронный ресурс] // <http://www.orbis-medievalis.ru/library/dan-dan.pdf>, свободный — Проверено 29.03.2017.
11. Данная Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у реки Волхова, купленную им у Смехна и Прохна Ивановых детей // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валк. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 159.
12. Данная Варлаама Спасо-Хутынского монастырю на землю с угодьями, челядью и скотом // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валк. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 161–162.
13. *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб.: СПбГУ, 2012. 412 с.
14. *Доброклонский А. П.* Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 2001. 936 с.
15. Духовная Антония Римлянина // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подг. к печати В.Г. Гейман, Н.А. Казакова и др.; под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 159–161.
16. *Дюби Жорж.* Власть частная, власть публичная // История частной жизни / под ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 2: Европа от феодализма до Ренессанса / Под ред. Ж. Дюби и др.: пер. с франц. Е. Решетниковой и П. Каштанова. М.: «Новое литературное обозрение», 2017. С. 14–374.
17. Житие Авраамия Смоленского // БЛДР: Т. 5: XIII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: «Наука», 2005. С. 30–65, 456–459.
18. Житие Варлаама Хутынского // *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 319–324.
19. Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Изд. подг. О. А. Белоброва, М. Гардзанити, Г. М. Прохоров, И. В. Федорова; отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 14–159.
20. Житие Феодосия Печерского // ПЛДР: XI — начало XII века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1978. С. 305–392, 456–458.
21. Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 1–20.
22. *Каргер М. К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. В 2 т.: Т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв. / ИА АН СССР; отв. ред. Н. Н. Воронин. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1961. 661 с.
23. *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М.: Наука, 1996. 265 с.

24. Киево-Печерский Патерик // БЛДР: Т. 4: XII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296–489, 641–667.
25. Красиков А. Н. Описи монастырского имущества XVI–XVII вв. как источник по истории книжной культуры Русского Севера (опыт формулярного анализа) // Наукові записки / Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України. Київ, 2009. Т. 19. Кн. 1. С. 116–129.
26. Кривцов Д. Ю. Маршруты поездок русских митрополитов в Золотую Орду в XIII–XIV вв. // Проблемы исторической географии и демографии России / отв. ред. Ю. А. Поляков. Вып. 1. М.: ИРИ РАН, 2007. С. 53–75.
27. Лукин С. В. Стоглав: историко-правовое исследование. Самара: ООО «Офорт», 2012. 164 с.
28. Маджеска Дж. Русско-византийские отношения в 1240–1453 гг.: паломники, дипломаты, купцы // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 358–373.
29. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от константинопольского патриарха (988–1240). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.
30. Малето Е. И. Хождения русских путешественников XII–XV вв. М.: ИРИ РАН, 2000. 208 с.
31. М[е]с[я]ца мая въ 3 д[е]нь житие пр[е]п[о]добного о[т]ца нашего Феодосия игумена печерьскаго // Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. С. 71–134.
32. Мильков В. В. Древнерусское монашество и его отношение к недугам // Вестник славянских культур. 2015. Т. 36. № 2. С. 13–28.
33. Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М.: АСТ; Астрель, 2009. 543, [1] с.
34. Неведомы(х) словесъ . изложено Георгиемъ . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игумену въпрашающу . оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: Индрик, 2004. Вып. 11. С. 233–255.
35. Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XII/1140-1160/Izjyslav_Mstislavic/gramota_pant_monast_nis.htm , свободный — Проверено 30.03.2017.
36. Паломник Даниила монаха: Сказание о пути, что ведет к Иерусалиму, и о городах, и о самом городе Иерусалиме, и о чтимых местах, что около города, и о святых церквях // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Изд. подг. О. А. Белоброва, М. Гардзанити, Г. М. Прохоров, И. В. Федорова; отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 160–269.
37. Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост. автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 282–288.
38. Петр (Гайденко), цером. Были ли епископат и духовенство Киевской Русь феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 85–89.
39. Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. М.: Кучково поле, 2012. 624 с.

К вопросу об источниках содержания древнерусского монашества

40. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. XII, 720 с.
42. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. 641 с.; Т. 2. 639 с.
43. *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 246 с.
44. *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки. М.; Л.: «Наука», 1966. 240 с.
45. *Симонов Р. А.* Кирик Новгородец (1110 — после 1156/1158) как хартофилакс // Вестник МГУП имени Ивана Фёдорова. 2015. № 4. С. 102–107.
46. Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / Подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 233–272.
47. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. В 3 т.: Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.
48. Стоглав // Памятники российского права. В 35 т. Т. 3. Памятники права Московского государства. Кн. 2 / Под общ. Ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 25–119.
49. *Тихомиров М. Н.* О частных актах в Древней Руси // *Тихомиров М. Н.* Древняя Русь. М.: Наука, 1975. С. 240–260.
50. *Удальцова З. В.* Киев и Константинополь — культурные связи до XIII века // Вопросы истории. 1987. № 4. С. 56–69.
51. Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Щапов, отв ред. Л. В. Черепнин. М.: «Наука», 1976. С. 85–91.
52. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1976. С. 158–165.
53. [Устав] Преподобного Варлаама Хутынского, Новгородского Чудотворца // *Амвросий (Орнатский), еп.* Древнерусские иноческие уставы: Уставы российских монастырениачальников. М., 2001. С. 32–34.
54. *Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М.: Университетская книга, 2014. 360 с.
55. *Харин Е. С.* Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. 248 с.
56. *Щапов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.
57. *Шупляк С. П.* Статус паломников в средневековом социуме Западной Европы // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун–т ; рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2013. Вып. 8. С. 155–165.
58. *Giorda M.* Proprietà monastiche in Egitto nella Tarda Antichità // *Annali di Studi Religiosi.* 2009. № 10. pp. 155–174.